

Посвящается Раму

Ищите и обряцете

Глава 1

А люди называют здешние края землей Бога, но где Бог, там и дьявол, иначе не бывает.

Я вижу это и в гусеницах озимых совок, грозящих уничтожить урожай, и в многочисленных кузнечиках, чьи ярко-зеленые крылышки трепещут, когда они тонут во впадинах, наполненных водой.

Когда я вот так веду комбайн, глядя, как над полями встает солнце, я не могу не думать о моих предках, которые добыли этот чертов участок земли во время Оклахомской земельной лихорадки 1889 года. Исполненные величия краски и свет, так отличающие здешние места, должно быть, заставляли моих предков чувствовать, что сам Бог является сюда каждый день, чтобы судить их. Я знаю, что дело просто в повисших в воздухе частицах, которые рассеивают солнечные лучи, но это все равно пронимает и меня. Оклахомское небо кого угодно заставит поверить в Бога.

Я натягиваю рукава на свои заледеневшие пальцы и сосредотачиваюсь на уничтожении растущей перед моим комбайном пшеницы. Последняя жатва в этом сезоне. Черт, как же я ненавижу пшеницу. Она так старомодна. Соевые бобы — вот за чем будущее. Я твердил об этом отцу, но он закоснел в своих взглядах и жил прошлым. А теперь он мертв и лежит в могиле.

Я смотрю на скотоводческое ранчо Нили, находящееся к западу от наших земель, и меня охватывает муторное чув-

ство. Я говорю себе, что теперь это просто брошенный коровник, но честное слово, я чувствую, как он давит на меня, словно пытается удушить. Я никогда не смогу понять, почему его просто не сожгли дотла после того, что там произошло. После того, что натворил отец.

— Просто держи себя в руках, Клэй, — говорю я себе, переворачивая бейсболку на голове козырьком назад и врубая музыку на полную катушку. Нам позарез нужны деньги, а я уже выбился из графика. Мне пришлось здорово попотеть, чтобы завести комбайн сегодня утром. Отец — вот кто и впрямь умел делать все эти дела хорошо. Иногда я вдруг ловлю себя на том, что погрузился в мечты, представляя себе, какой была бы моя жизнь, если бы всего этого не произошло. Я бы все так же играл в американский футбол, просматривал информацию об университетах и колледжах, прикидывая, в какой из них было бы лучше поступить, и ходил бы к старому карьеру, чтобы попить пива в компании моих друзей.

Когда я разворачиваю комбайн в последний раз, чтобы вернуться домой и начать готовиться к поездке в школу, то замечаю, как что-то движется под пшеницей. Я приподнимаюсь над сиденьем, гляжу пристально, напрягая глаза, пытаюсь разглядеть что-то за пыльным ветровым стеклом, различаю, что эта штука движется в сторону дома, и тут натыкаюсь на что-то твердое. Ножи жатки медленно останавливаются, и комбайн, наклонившись вперед, глохнет.

— Давай же, — со стоном говорю я, вынимая из ушей наушники.

Рев надрывающихся гитар прекращается, и я, выбравшись из кабины, бреду к передку комбайна.

Надеюсь, я не наехал на велосипед моей маленькой сестренки. Я везде искал эту грудку железок. Подумывал о том, чтобы купить ей новый, немного искусственно состарить раму и сказать, что я нашел его у озера Хармон, но Умничку не проведешь. Отец сварганил этот велосипед в прошлом году, подарив его ей на ее шестой день рождения. Это была просто

ничего не стоящая куча железа, собранная из деталей старых детских велосипедов, на которых когда-то катались я и Джесс. Но, наверное, Умничке ее велосипед был дорог как память.

Когда я наклоняюсь, чтобы посмотреть под платформенную жатку, ноздри наполняет острый запах железа. В жатке застряло искореженное копытце. Мой желудок сводит, горло перехватывает так, что я едва могу дышать. Я начинаю лихорадочно ворошить оставшуюся за комбайном пшеничную солому и наконец нахожу то, что искал — новорожденного теленка с перерезанным горлом и золотистой шерсткой, которую густо забрызгала ярко-красная кровь. Мои глаза наполняются слезами — я пытаюсь нащупать его пульс, но все попытки тщетны. Теперь это просто месиво из теплой крови, костей и шкуры.

— О, господи! — Я срываю с рук рабочие перчатки и, шатаюсь, пячусь, пытаюсь убежать от тошнотворного запаха, но он окружает меня... проникает внутрь.

Продолжая ходить вокруг комбайна, я оглядываю поля, пытаюсь найти случившемуся какое-то объяснение. У нас в округе нигде нет крупного рогатого скота — нет с тех самых пор, как в прошлом году мистер Нили закрыл свое ранчо. Это я убил теленка, или же его убил кто-то другой и бросил здесь, желая, чтобы я наткнулся на него, и все это — чья-то жестокая шутка?

Упершись руками в колени, я смотрю вниз, на теленка, на его черные, как деготь, глаза, но вижу сейчас не его, а отца, лежащего, раскинув руки, на полу хлева, где проводилось искусственное осеменение и содержали стельных коров, и слышу предсмертное хрипение в его горле.

«Я взываю к крови», — прошептал он¹.

---

¹ В оригинале «I plead the blood». Это слова из строчки одной из молитв, произносимых католическими священниками-экзорцистами во время обряда изгнания дьявола: «I plead the blood of Jesus Christ on my life». Ближе к концу книги будет приведен соответствующий отрывок на латыни. — *Здесь и далее примеч. перев.*

На его лице был написан ужас — причем ужас ему, похоже, внушала вовсе не смерть, а я, его сын.

Колосья обдувает сильный ветер и тянет меня назад. Он шумит — наверное, такой звук издает наждачная бумага, царапающая плоть.

Я бросаюсь назад, к нашему дому.

Я знаю, что за моей тенью гонится только солнце, но честное слово, у меня такое чувство, словно сам дьявол мчится за мной по пятам.

Глава 2

— Ты опаздываешь в школу, — говорит Умничка. Она ужасно запыхалась, и ее несимметричные косички ходят ходуном, словно у каждой из них имеется свой отдельный моторчик.

— Да знаю я, знаю. — Я протягиваю ей мою бейсболку, а также куртку, в которой работаю в поле.

— А перчатки? — Она вешает каждую вещь на ее собственный отдельный колышек.

Я сжимаю перила лестницы, чувствуя под пальцами их старую гладкую древесину, и снова вижу перед собой мертвого теленка. Нельзя, чтобы Умничка о нем узнала. Нельзя, чтобы о нем узнала хоть одна живая душа. Пока я не выясню, откуда он там взялся. Совсем не обязательно давать городу еще один повод для того, чтобы считать нас чудовищами.

— Должно быть, я оставил их в поле. — Я вглядываюсь в сумрак коридора, ведущего на кухню, чтобы удостовериться, что нас никто не слышит. Мама сейчас склонилась над плитой, все еще сонная, пытаюсь сосредоточиться на том, чтобы не дать растопленному жиру от жарящегося бекона разбрызгаться с чугунной сковороды в стороны, а Джесс настолько занята копанием в себе и мыслями о том, как она

несчастлива, что ей вообще на все наплевать. Если эта моя сестра попадет в конце концов на «Шоу Мори», то это будет просто чудом.

Умничка дергает меня за полу рубашки:

— Сколько акров ты сегодня убрал?

— Два.

Она, поджав губы, достает две золотые звездочки из своего пакетика для наклеек и помещает их в маленькие квадратики, которыми расчерчен лист плакатного картона, «позамимствованного» ею в воскресной школе. Каждый такой квадратик обозначает один убранный акр. В этом году для нас важен каждый цент. Сто тринадцать акров пшеницы, которые мне нужно убрать за промежутки времени до и после школы: на рассвете и когда после окончания занятий я возвращаюсь домой. Для человека, трудящегося в одиночку, это чертова уйма работы, и если первый мороз ударит до того, как я ее завершу, мы окажемся в полной жопе.

Умничка производит расчет, отстукивая количество акров, остающихся не убранными, на боковой части своего бедра. Она считает все. Я где-то читал, что это форма невроза навязчивых состояний, но сам я думаю, что она просто чересчур умна и ей это мешает.

— Ты сумеешь сохранить тайну? — спрашиваю я, присев на корточки, чтобы смотреть ей прямо в глаза.

Она сцепляет руки на своей тощей талии.

— Ты же сам отлично знаешь, что сумею.

— Ого, а что это случилось с твоим пальцем?

— Просто порезалась о край бумаги, и не вздумай менять тему.

Я тру затылок.

— Сегодня у комбайна немного забарахлил мотор — но я это исправлю. — Она переводит взгляд на окно, и я знаю точно, о чем она сейчас думает. — Не беспокойся, я наверстаю то, что не успел. И не выходи в поле. — Я протягиваю руку, чтобы потрепать ее и без того растрепанную белокурую

челку, но она уклоняется. Теперь ей уже не нравится, когда кто-то дотрагивается до ее волос. — Я займусь этим после школы. Заметано?

Она делает вид, что застегивает губы на молнию и запирает на замок, после чего вкладывает в мою руку воображаемый ключик и вприпрыжку несется на кухню.

— И заклей порез бактерицидным пластырем, хорошо?

Мимо, жужжа, пролетает муха. Я смотрю, как она садится на голую стену гостиной над каминной полкой, на то самое место, где раньше висело распятие.

И сразу же вспоминаю тот вечер.

Отец вернулся домой с собрания Общества охраны ста-ринны с совершенно безумным видом.

— Йэн Нили знал... они все знали, — проговорил он.

Мама подумала, что он опять напился ржаного виски, который гонит Чарли Миллер, но я сразу понял, что он не пьян. Он был в ясном сознании и напряжен, слишком напряжен, как будто его переполнял адреналин.

Снимая со стены над каминной полкой тяжелое металлическое распятие, он все повторял: «Золотой телец... это и есть шестое колено... семя сие»¹. Он смотрел прямо на меня, когда говорил это, говорил с выражением гадливости на лице. Мама попыталась утихомирить его, но он оттолкнул ее к стене и стремительно выбежал из дома. Я бежал за ним до самого неубранного пшеничного поля, хватая за руку, пытаясь остановить. Он повернулся, прижимая распятие к груди. — «Я должен остановить зло, прежде чем оно родится, — сказал он, взглядам привождая меня к месту. — Да простит нас Бог, сынок».

В тот вечер на небе не было луны. И не было звезд, как будто они знали, что собирается сделать мой отец, и им было невозможно на это смотреть.

---

¹ По-английски «золотой телец» и «золотистый теленок» — это одно и то же словосочетание — «golden calf».

— Пятнадцать минут, Клэй! — кричит мне мама из кухни.

Выкинув воспоминание из головы, я бегу на второй этаж, включаю кран, сбрасываю с себя одежду. И начинаю дрожать от холода, как осиновый лист, ожидая, когда бойлер нагреет воду, хотя когда очередь доходит до меня, вода никогда не бывает по-настоящему горячей, а только теплой. Такова одна из многочисленных «плюшек», которые несет с собой жизнь в обществе трех особ женского пола: мамы и двух сестер. Я переступаю через край ванны и задерживаю пластиковую занавеску. Звук ржавых колец, к которым прикреплена занавеска, о металлический стержень заставляет меня вспомнить копытце, застрявшее в ножах жатки комбайна. И меня снова бросает в дрожь.

Я пытаюсь вообще об этом не думать, но когда думаю, мне совершенно не понятно, как этот теленок мог оказаться там, в поле. Ранчо Нили закрылось и до ближайшего скотоводческого хозяйства надо ехать через два города, до самого округа Монро. У теленка была золотистая шерстка, такого же цвета, как пшеница. Такого же цвета, как тот золотой телец, о котором толковал мой отец перед тем, как умереть. Прежде я никогда не видел теленка такого цвета. Он был не старше одного дня от роду. А значит, он никак не мог добраться сюда сам.

Разве что кто-то подложил его на наше поле.

Я бы нисколько не удивился, если бы оказалось, что это сделал Тайлер. И дело не только в том, что он меня терпеть не может. С тех самых пор, как умер отец, Тайлер вечно сверлит меня странным выжидающим взглядом. Как будто ждет, чтобы я сорвался и что-нибудь натворил, как это случилось с моим отцом. Возможно, все этого ждут.

Схватив с вешалки полотенце, я оборачиваю его вокруг талии, хотя сделать это оказывается не так уж легко — ткань полотенца стала довольно жесткой от сушки на бельевой веревке во дворе. Потом, шаркая, иду по коридору в свою комнату. Если не считать плотных черных пластиковых мешков

для мусора, наклеенных скотчем на рамы, чтобы закрыть оконные стекла, и бутылочек с таблетками, которыми заставлена прикроватная тумбочка, здесь все выглядит точно так же, как прежде. Поначалу черные пакеты для мусора были нужны мне только затем, чтобы не впускать в комнату свет, но потом это сделалось чем-то вроде моего пунктика, как будто мне в самом деле хотелось во что бы то ни стало сохранить здесь все как было. Иногда я подумываю о том, чтобы убрать все это с глаз долой: сувениры, постеры, призы, полученные мною за победы нашей команды по игре в американский футбол, — но я никак не могу заставить себя это сделать. Отец возил меня на каждую из тренировок, стоял на краю поля во время каждой игры. За пределами этой комнаты люди могут говорить о нем все что хотят, но здесь он по-прежнему остается просто моим отцом.

Отогнув уголок одного из черных пакетов, я смотрю на урожай. Хэмми сейчас бежит по периметру пшеничного поля. На секунду у меня мелькает мысль — может быть, это он каким-то образом добрался до того теленка и затащил его в поле? — но я тут же выбрасываю это предположение из головы: после смерти отца наш беспородный пес ни разу не заходил в пшеницу, как будто она внушает ему страх.

Мы с отцом переехали в полях множество животных. Это ужасно, но такова уж фермерская жизнь. Как-то раз мы даже наткнулись на американского черного медведя. Мы тогда решили, что он, должно быть, попытался устроить себе берлогу, чтобы залечь в зимнюю спячку. Но вид погибшего новорожденного теленка выбил меня из колеи. И на то были охренительно веские причины.

Я стараюсь не видеть в этом скрытого смысла. Умничка говорит, что в этом и состоит моя проблема. Я постоянно пытаюсь всему найти объяснение, разобраться во всем до конца.

— Клэй? — кричит мама из кухни. — Пять минут, хорошо, дорогой?

От звука ее голоса меня передергивает. Она изо всех сил старается говорить, придавая своему тону жизнерадостность и беззаботность, но от него исходит такое отчаяние, словно еще чуть-чуть — и она попадет в Оукмур.

Я надеваю матерчатые трусы, натягиваю футболку. И в миллионный раз думаю о том, а не продать ли мне ферму. Некоторое время назад мистер Нили предложил за нее достаточно денег, чтобы мы могли уехать из города и поселиться где-то еще. Но мысль о продаже фермы вызывает у меня такое чувство, будто тем самым я предам отца, предам всю историю нашей семьи. Наши предки были не из тех ловкачей, которые захватили землю самовольно, как некоторые семьи в соседних округах. Мы не украли свою землю, разбив на ней лагерь заблаговременно, до начала земельной лихорадки, и спрятавшись в зарослях кустарника, как какие-нибудь говнюки.

Моя семья начала с самого места сбора желающих занять свободные земли и завоевала свой участок в честной гонке с участием лучших из лучших. И участок нам тоже достался лучший из лучших. Отец вечно шутил о том, что, когда наша семья отхватила эту землю, она исчерпала все отпущенное ей Богом везение. Либо все было именно так, прикалывался он, либо они заключили сделку с дьяволом. Но дело не только в истории нашей семьи, а еще и в том, что, если бы я согласился продать ферму, Умничка была бы безутешна. Она лелеет безумную мысль о том, что когда-нибудь сама будет управлять фермой. Нет, я не говорю, что ей это не по плечу — когда Умничка берется за что-то всерьез, она может сделать все. Просто я хочу для нее чего-то получше.

— Клэй? — снова кричит мама.

— Иду! — Я натягиваю чистые джинсы, надеваю фланелевую рубашку и хватаю школьный рюкзак. Времени на завтрак у меня не осталось, так что я хватаю немного жареного бекона, целую маму в щеку, ударяю открытой ладонью о ладонку Умнички и направляюсь к пикапу.